

ПЕРЕЛОМЫ СУДЬБЫ

Рассказы

ЧЕК И ДАРЬЯ

1

Вместо лица у него была страшная маска. Разъявленный до ушей рот. Бугристые, рваные сине-лиловые шрамы вдоль и поперек щек. Сбитый, свороченный чудовищным ударом кулака на сторону, сломанный нос — хрящ вдавился внутрь, в череп, как у сифилитика. Рваные, будто их насильно отрывали от головы, терзали щипцами, резали ножницами, уши — не уши, а кожные лохмотья вместо ушей. Через весь лоб шел страшный белый рубец, будто по голове парню заехали казацкой саблей или маханули острой бандитской финкой. Зубы во рту виднелись — половина была повывита, черная скалящаяся пасть ужасала.

И только глаза на том, что когда-то было лицом, глядели умно, бешено, ясно...

Он не помнил, когда и как попал в лапы бандитов. Бандиты навсегда остались безымянными для него. Они собирали, сколачивали отряд бесплатных рабов-нищих, уличных попрошаек. Бандиты изощренно изуродовали его, чтобы он просил на улицах милостыньку, вызывая у жадных людей страх и жалость.

Мальчонку звали Чек. Он не знал, прозвище это было или имя; его всегда окликали так, и он привык. Чтобы избавиться от побоев и подневольного труда, он убежал из большого города далеко на юг, в горы, просто сел в поезд и поехал «зайцем», забрался в плацкартном вагоне на третью полку и скрючился, свернулся в клубочек; так и ехал, голодный, не слезая с полки, пока его не обнаружила дотошная проводница: кто это у меня там сопит под потолком? — и не ссадила с поезда, не вытолкала в шею на станции; а станция-то была уже южная, уже за Краснодаром-главным.

Он пробрался в горы — и попал, как кур в ощиц, в лапы к боевикам. Он не знал, что на Кавказе шла война, ему пришлось это узнать. Боевики приволокли его, грязного, маленького, упирающегося, нещадно матерящегося, — и хохотали, уставив руки в бока, надрывали животы: ну и ну!.. вот это картинка!.. вот это чудище, ночью приснится, Ахмед, испугаешься, в штаны наложишь!.. — и тут же поняли, как его можно использовать на войне. Они засылали его разведчиком в федеральные части: «Ты, бей на слезу, пацан, гавари, шыто тибя изрезали на куски эти гады чечнюки... гавари, шыто всех тваих перебили, шыто сестру изнасылавали, а ты чудам убивал.. и вот не знаишь, куда бежать!.. А сам ты, слышишь, все у них разглядывай, все запаминай, нам патом расскажышь, ты, понял?..»

Они бросали его под федеральный танк со связками гранат: «А-а, плевать, умрет малец — туда и дорога, подумаешь, цаца какая!.. а нам надо, чтоб этот танк в ущелье не прошел, нам надо его остановить!» — и он швырял гранаты под танк, падал на пузо и отползал прочь, оглушенный взрывом; он выживал — чудом, и он удрал от воюющих чеченцев — тоже чудом.

Он убежал, уродец по имени Чек, и так начался его Бег. Начался его Бег Через Всю Страну.

Так бегут не люди, так летят птицы-подранки и низко, почти распластавшись по земле, бегут голодные битые собаки. Он видел ужас жизни лицом к лицу. Он видел, как на Кавказе воют над трупами убитых детей одетые в черное, коленопреклоненные женщины; он видел в Крыму вырубленные, выкорчеванные тысячелетние виноградники, видел крымских татар с бешеными лицами, бегущих по улицам с плакатами в руках: «Крым — наш!»; он видел, как на Каспии вытаскивают из моря огромных остроносых рыб с колючими костяными боками, похожих на крокодилов, вспарывают им брюхо ножами и вынимают блестящую на солнце, смоляную икру, выгребают руками, трясясь, чтобы никто не увидел, не заловил, бросают черные икряные комки в алюминиевые цистерны, грузят в лодки и увозят, под грубую музыку матюгов заводя мотор, а рыб так и бросают на берегу — гнить. И он подходил и трогал острые рыбы носы, когда лодки скрывались в сизой морской дали и его уже никто не мог увидеть, и отрезал от самой большой рыбы кусок, и разжигал костер, и жарил рыбу, и с нее капал вкусный желтый жир, и он ел рыбу и плакал — ему было ее жалко, такую большую и бесполезно мертвую, и других рыб, валявшихся поодаль. Он видел воров в Ростове-на-Дону, всовывающих ножи под ребро, как браконьеры — той колючей рыбе, молоденькой девчонке из отельного варьете — за то что она не сняла нынче ночью того, кто вору был позарез нужен; он видел, как в Курске под электричку пацаны толкнули приятеля, не принесшего на встречу заказанные деньги, и пацана переехало пополам, и еще полминуты рот распяливался в крике, хотя сознание мальчишку уже покинуло; он побывал и на северах с сезонниками, помогал бить оленей в кровавой бригаде и видел, как тяжело и высоко вздымался

грубый молот в руках бича и опускался на покорно подставленную голову оленя; ошивался с геологами, спал в их дырявых палатках, помогал их поварихам варить на костре суп из перловки и тушенки; закинулся неведомым ветром в славный бандитский городок Питер — ух, и весело же погулял он там! В Фонтанке чуть не утонул, на черных уток на первом, слюдяном, льду засмотрелся...

В странствиях Чек вырослел, учился быть сильным, злым, гордым. На Севере, в Воркуте, один старый зэк, с жалостью и пониманием глядя на его изуродованное лицо, тихо сказал ему:

«Помни, малец, в жизни есть условие: никого не бойся, никому не верь и ни о чем не проси. Соблюдай это условие — и ты будешь жить. А нет — будешь существовать. “Петухом” будешь. А потом и убьют тебя, пришьют, как миленького».

«Меня и так пришьют, — оскалился Чек. — Странно, что до сих пор не пришили».

Так, озлобленный, повзрослевший, заимевший не опыт жить, но опыт ненавидеть, он закатился наконец туда, откуда выкатился когда-то — в Москву. Ощерившийся уродливый щенок, затаивший глубоко внутри себя ненависть к миру, родившему его на свет и тут же искалечившему его, он растил в себе эту ненависть, лелеял ее, холил — и, нарвавшись на ребят-скинхедов, избивавших однажды в метро лошеного, раскосого, богатого желтолицего господина (кейс богатого азиата валялся далеко, у эскалатора, чемоданчик зло пнула нога в огромном черном ботинке), — примкнул к ним.

Он примкнул к скинам, как примыкает к ним каждый отверженный. Каждый, кто был сильно бит — и выжил. Каждый, у кого был отнят кров, семья, очаг, стол и собственная постель — и кто поднялся над своим бездомьем и одиночеством, скрипнув зубами. Каждый, кто копил в себе ненависть и горечь, не зная, на кого ее вылить, и кто обнаружил: ого, враг-то есть, оказывается! Вот он!

2

Вчера скины с Моховой мочили в усмерть рэпперов из Марьиной Рощи. Побойще удалось на славу. Скины отомстили рэпперам за то, что они подражают проклятым нигерам и носят широкие негритянские штаны, поют вшивые нигерские песни и танцуют на площадных коврах и старых одеялах, разложенных прямо на улице, свои поганые нигерские танцы. Так отомстили, что любо-дорого! Рэпперы еле ноги унесли. А самого главного, Грина, они хорошо мочканули. Как клопа. Грин, мать его, самый главный расп...дья у этих г...едов и есть. Он-то скинам в лапы и попался. И они его отделали. Отделали — будь здоров. По первому разряду. Башку двумя камнями придавили, били классно, били везде. Во все места. Детишек теперь у суки не будет. И сам он — будет ли, нет ли — еще бабушка надвое сказала.

Отдубасили реппэров — пора и отдохнуть. Нажраться и подраться? Нет, сначала подраться, потом — нажраться! Слова в слогане меняются местами.

— Эй, ребята, все бритые? Волосики не подросли? Никого машинкой обчехкрыжить не надо?

— А водочки дашь, братишка, опосля стрижки?

— Дам, дам, конечно, как истинному арийцу — истинный ариец!

— Вперед, вперед!.. Где соберемся?

— Соберемся сначала у Зайца, потом всей кучей двинем в Бункер.

— А кто сегодня в Бункере?

— Не кто, а что. Сегодня в Бункере — сборище века! Таракан приезжает, твою мать!

— Сам Таракан? Во классняра! И что лабать будет со товарищи?

— Ну что, что? Ты сам не знаешь разве, что может выдать на-гора «Реванш»? Всю классику! «Арии спустились с Белых гор», «Белая кожа, черная кожа», «Бритоголовые идут», «Аркаим»... Ну, как всегда, конечно, «Убей его, убей»... Ну и там, наверное, новяк какой-нибудь, не знаю...

— А «Дон’т стоп, хулиганс» будет петь?

— А пес его знает, Таракана, что ты, Зигфрид, у меня спрашиваешь, я что, автоответчик кинотеатра «Россия»?..

Таракан был знаменитым рок-музыкантом, популярным у бритоголовых. «Реванш» — знаменитейшей рок-группой со скандальной, нечистой славой: немало побил Таракан тарелок и фужеров на именитых сейшнах, немало салатов, приправленных майонезом, вывалил на белые пиджаки спонсоров престижных рок-концертов, немало девиц перещупал и перетоптал даже не в гостиничных номерах — прямо за кулисами, на коробках и ящиках из-под аппаратуры. Таракан был славен не только скандалами. Его рок-музыканты, наголо обритые, в противовес ему, обросшему, мохнatomу, с неряшливо спутанной жидкой бороденкой, не только откалывали на сцене номера, орали и выкрикивали нацистские лозунги и матерились в микрофон (дешевым эпатажем искушенную публику уже не удивить), но и выдавали время от времени, на удивление знатоков, такие отпадные хиты, что и не снились ни «Джей-3», ни «Герцеговине-флор», ни «Фигляру», ни «Истинным арийцам». Это была музыка! Можно улететь, как от хорошего косячка, слушая ее... Таракан приобрел вес. Его песни гремели по России. Пару раз он выбрался на Запад, в Германию и Англию, даже записал там пару альбомов, но больше на Запад не ездил, не хотел: «Снобы там все, ребяташки, кого ни копни — снобы! Прогнили!..» Германия, страна классического нацизма, привлекла его лишь потому, что он хотел по пьянствовать в мюнхенском кабачке, где начался знаменитый путч Гитлера. Да, вот такая блажь, только и всего. «С группы “Реванш” начнется наш реванш», — пошутил однажды их Фюрер.

О, их Фюрер классный парень. Их Фюрером можно клясться, божиться, материться и лечить рваные раны. Их Фюрер знал дело тугу. Будущее было в руках их Фюрера — в этом они не сомневались. Никто из них не сомневался.

Ну да, вчера была отличная бойня, не такая, конечно, масштабная, как задумывалось, но все равно отличная; и от ментов они ускользнули, вовремя ушли; и приезжал из Питера Таракан со своими бритыми; и давненько они не слушали такой музыки; и в Бункере, о, в Бункере всегда была какая-нибудь — не какая-нибудь, что он брешет, а отличная! — хавка, это уж Фюрер всегда расстается, на концерт знаменитости спонсоров нарост, изысканной жратвой столы завалит, ешь — не хочу, икрой мажь морду, раками бросайся, как камнями, торт на голову ставь и так, с тортом, иди плясать, все равно он когда-нибудь упадет и всего тебя кремом обмажет. Вот веселья-то будет!

Да, бойню надо отмечать, это славно придумано. Да, он пойдет сегодня в Бункер.

И он пошел нынче в Бункер, и ногой распахнул дверь подъезда, и постучал, как между ними, скинами, было условлено, в массивную железную дверь, и ему открыли; и тут же, сразу около входа, он увидел сидящую на вертящемся офисном стуле девушку в белом. Ее странные, чуть раскосые глаза смотрели куда-то вдаль. Будто она презирала всех, кто путается у нее, царственно сидящей, под ногами.

Чек сплюнул. У, какая царица! Цаца, а не царица. Платье зачем-то белое, до пят. Старорежимное платье. Таких телки сейчас не носят. Особенно — их телки, бритые. Они носят такую одежду, чтобы удобно было рассматривать наколки, многочисленные tattoo на теле. Сейчас на теле модно рисовать все что угодно. А эта сидит — ни рисуночка, ни татуировочки, и волосы черной волной вдоль лица висят. Как спущенный черный флаг.

Ишь, а что это такое черная телка держит в руках? Бляха-муха, да у нее же на коленях корзина, а в ней — что в ней?.. Чек наклонился. Свечи! Провалиться на месте, свечи! И еще — странные глиняные пузырьки, и она так осторожно их протягивает входящим, и они, немало удивленные, берут у нее эти глиняные свистульки из рук. Чек присмотрелся. Высокий скинхед с уже отрастающей на башке темной щетиной взял из рук девушки свистульку, поднес зажигалку. Светлое пламя язычком взвилось, задрожало на сквозняке.

Светильники! Эта телка раздавала вновь приходящим в Бункер светильники!

Ну да, и свечи тоже... Вон, все со свечами в руках стоят, свечи горят... Что, в Бункере сегодня света нет? Или это Фюрер приколом такой придумал новый?.. Какой приколом, дурак, может, просто, правда, света нет?..

— Эй, — негромко сказал Чек и слегка двинул девицу кулаком в плечо. — Дай твою игрушку.

Она медленно повернулась, протянула ему — в обеих руках — и свечу, и глиняный светильник. Ее лицо не дрогнуло. Она по-прежнему смотрела вдаль, поверх него, сквозь него. Улыбнулась.

Он взял из ее рук глиняный светильник, похожий на птичку, на жаворонка. Сказал:

— А зажигаешь тоже ты? Обряд такой? Или мне можно зажечь?

Она не ответила. Смотрела вдаль, мимо.

И он понял, что она слепая.

Зажег светильник, нажав спички в кармане. Отошел от слепой, раздававшей свет. Вошел в зал. Там уже буквой «П», каре, стояли роскошно накрытые столы, и во тьме сияли и вспыхивали огни, освещая бритые головы скинхедов, светлые модные, от Фенди и от Зайцева, пиджаки и смокинги спонсоров и именитых приглашенных, металлические бляхи и цепи на кожаных «косухах», блестящие в ноздрях и в проколотых губах пирсинги. Тьма, как это красиво! Мрак. И во мраке — огонь. Мощный огонь древних ариев.

Дверь в зал слегка приотворилась, и Чек снова увидел сидящую у двери девушку с корзиной на коленях. Из-под подола белого, будто невестиного, платья высывались аккуратные белые туфельки. Он потихоньку сплюнул. Невеста! Божья невеста, что ли?.. Невеста Фюрера?.. Чек знал: Фюрер относился к женщинам никак. Что есть они, что нет. Никто ни разу не видел его с женщиной. Его интимная жизнь не была предметом обсуждения у скинов и у ребят постарше, уже не бивших каблуком в морды в метро и на рынках, а занимавшихся разработкой новой идеологии и поисками денег для покупки... Чего? Оружия?.. Чек предпочитал не думать о войне в открытую, он уже навоевался, настрелялся, навидался смертей. Пусть Фюрер делает что хочет. На то он и Фюрер.

— Вот они-и-и!.. — заорали скинхеды, воздевая над головами кулаки, приветствуя изо всей силы — вопя, брызгая слюной, топая ногами, оглушительно свистя — ультраправую рок-группу «Реванш» с Тараканом во главе.

На небольшую сцену зала выкатились налысо бритые ребята, присели с гитарами в руках и завывали, заорали, завопили, скандируя текст всеми скинами обожаемого хита:

Убей его, убей!
Убей средь бела дня!
Убей его скорей!
А то убьют тебя!..

Ты желтых и цветных,
Ты черных и жидей
Бей в морду и под дуду!
Убей его, убей! —